

ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

Г. А. ЛОПАТИНА (1845—1918)

Н. Саморуков

Среди выдающихся русских революционеров семидесятых — восьмидесятых годов прошлого столетия Герман Александрович Лопатин занимает особое место. Вся его революционная деятельность является яркой иллюстрацией того ленинского положения, что «марксизм, как единственно правильную революционную теорию, Россия поистине в страдала полувековой историей несслышанных мук и жертв, невиданного революционного героизма, невероятной энергии и беззаветности исканий, обучения, испытания на практике, разочарований, проверки, сопоставления опыта Европы»¹.

Подлинный патриот родины, воспитанный под влиянием великих идей русских революционных мыслителей Белинского, Герцена, Чернышевского, Добролюбова и классической русской литературы, Г. А. Лопатин стремился найти пути к освобождению своего народа от ига самодержавия и полукрепостнических пут. С беззаветным героизмом боролся он за превращение России в свободную, передовую страну. Хотя Г. А. Лопатину не удалось найти правильного революционного пути, его политическая биография и его долговременное личное общение с Марксом и Энгельсом выделяют его из числа других революционеров его эпохи.

Общественная и политическая деятельность Г. А. Лопатина протекала в период, когда аграрные отношения и крестьянское движение ещё играли в России решающую роль, но как в городе, так и в деревне капитализм отвоёвывал всё новые позиции; в стране происходили изменения классовой структуры — численно увеличивался начавший оформляться промышленный рабочий класс. Непрерывавшаяся борьба русского народа против гнёта и бесправия расшатывала устои царизма и ослабляла его реакционную роль на международной арене. То было время, когда мировой революционный центр перемещался в Россию.

В этот короткий исторический период в русском революционном движении происходило усиленное искание подлинно революционных путей борьбы с царизмом, за освобождение России от пережитков крепостничества. В шестидесятых — семидесятых годах пережило расцвет, а затем и упадок народничество и почти одновременно распространились в России сочинения К. Маркса и Ф. Энгельса. Всё это отразилось на мировоззрении и революционной деятельности Г. А. Лопатина, который не стал, однако, марксистом.



Г. А. Лопатин, происходивший из старинного дворянского рода, начал свою общественно-политическую деятельность в шестидесятых годах, будучи студентом естественного отделения физико-математического факультета Петербургского университета.

Многочисленные крестьянские волнения, вызванные крепостнической реформой 1861 г., послужили основой движения демократической интеллигенции, воспитанной на трудах великого революционного демократа Н. Г. Чернышевского. Царское правительство сурово подавляло демократическое движение. Передовые борцы за народное освобождение

¹ В. И. Ленин. Соч. Т. 31, стр. 9. 4-е изд.

были брошены в тюрьмы, сосланы в далёкую Сибирь и обречены на медленную, мучительную смерть на каторге. Аресту подверглись Н. Н. Обручев, Н. А. Серно-Соловьевич, М. И. Михайлов, Н. В. Шелгунов; в заточении находился властитель дум передовой интеллигенции России Н. Г. Чернышевский.

Но правительственный террор не испугал двадцатилетнего Германа Лопатина. Он принял деятельное участие в студенческом движении, направленном против произвола самодержавия. На Лопатина обратило внимание III отделение, предложившее в 1865 г. университетскому начальству привлечь его к ответственности за участие в студенческих волнениях².

Лопатин был связан с петербургской группой кружка Ишутина, но активно в кружке не работал, хотя был хорошо осведомлён о его конспиративной деятельности.

Не увенчалась успехом и попытка И. А. Худякова, организатора группы «Ад», поставившей себе целью убийство царя Александра II, вовлечь Лопатина в свою группу. «На теоретические прощупывания, — писал Лопатин, — я заявил полнейшее недоверие к тому, чтобы насильственная смерть государя, при отсутствии сколько-нибудь сильной революционной партии и при тогдашних обстоятельствах, могла вызвать в народе какие-нибудь смуты, а главное, чтобы подобные смуты, если бы они и произошли, могли повести к чему-нибудь путному, кроме усиления реакции»³.

Вся деятельность Лопатина в шестидесятых годах показывает, что тогда он стоял на позициях народничества, но не был ещё сторонником индивидуального террора. В 1866 г. Лопатин привлекался по делу о покушении Каракозова на Александра II, но, просидев два месяца в казематах Петропавловской крепости, был освобождён за отсутствием улик. По выходе из крепости он по просьбе И. А. Худякова взял на себя ликвидацию дел разгромленного ишутинского кружка, спасая от арестов его членов и симпатизировавших кружку лиц.

После окончания в 1866 г. университета и блестящей защиты диссертации на тему «О самопроизвольном зарождении» перед Г. А. Лопатиным открылась возможность исправить «грехи молодости» и преуспеть на поприще казённой науки. Но Герман Александрович предпочёл другой, тернистый путь революционного борца — путь беззаветного служения своему народу и братской помощи другим угнетённым народам.

Он внимательно следил за национально-освободительной борьбой итальянского народа и, узнав, что Гарибальди после побега с Капреры в 1867 г. организовал отряд и идёт на Рим, немедленно выехал нелегально в Италию, чтобы вступить в отряд добровольцев, но добрался до Флоренции лишь в день Ментонской битвы, когда отряд Гарибальди был разгромлен. Перед возвращением в Россию Лопатин заехал в Ниццу, желая лично познакомиться с А. И. Герценом.

Встреча с Герценом, повидимому, не произвела большого впечатления на Лопатина; впоследствии он только вскользь упомянул о ней в своей автобиографии.

Основным недостатком в деятельности революционеров шестидесятых годов Лопатин считал увлечение теорией, оторванность от жизни трудового народа, незнание его подлинных нужд. «Ничтожное знакомство прогрессивной молодёжи, — писал он, — с действительным положением и нуждами народа составляет самое слабое место среди теоретических взглядов и практических предприятий нашего времени»⁴.

² См. «Герман Александрович Лопатин». Сборник статей и писем, стр. 8. Петроград. 1922. (В последующих ссылках: «Г. А. Лопатин».)

³ Там же, стр. 139.

⁴ «Г. А. Лопатин», стр. 27.

Вместе с Ф. В. Волховским, впоследствии известным народником, Лопатин решил создать специальную организацию в Москве и Петербурге под названием «Рублёвское общество». Официально организация эта ставила себе просветительские цели, но на деле должна была содействовать проникновению молодёжи в народную гущу для изучения жизни народа, его настроений, чтобы установить возможность массовой революционной борьбы против самодержавия.

Но общество ещё не успело оформиться и начать свою деятельность, как его организаторы были арестованы. Герман Лопатин, просидев восемь месяцев в заключении, был выслан в Ставрополь. Там он служил чиновником особых поручений при губернаторе, занимая одновременно должность библиотекаря. Работа в библиотеке позволила ему развернуть просветительную деятельность среди молодёжи. Помимо этого он пытался проводить свои народнические взгляды практически и, по собственным словам, «поднял и провёл вопрос о замене в Ставропольской губернии общинно захватного, крестьянского землевладения... общинно передельным, и притом не по чиновничьи-канцелярским указаниям, а по постановлениям сельских и волостных сходов (очень бурных)»⁵.

В декабре 1869 г. Лопатин был арестован в связи с попавшим в руки полиции письмом, в котором он сообщал о своём проекте нелегальной поездки за границу. Но уже в январе 1870 г. он совершил первый побег со Ставропольской военной гауптвахты в Петербург. Живя нелегально в Петербурге, он вскоре устроил побег из Кадникова⁶ П. А. Лаврову, уступив ему заготовленный для себя заграничный паспорт.

Получив обратно паспорт, Лопатин направился в Париж, где встретился с политическими эмигрантами различных направлений, а затем предпринял специальную поездку в Швейцарию для встречи с Бакуниным, Огарёвым и другими русскими эмигрантами. Но как во Франции, так и в Швейцарии он не примкнул ни к одному из русских эмигрантских политических направлений.

Проживая с мая по июль 1870 г. в Париже, Лопатин внимательно следил за событиями, происходившими во Франции, сопоставляя опыт революционной борьбы в России и Франции. В поисках наиболее действенных средств борьбы с самодержавием Лопатин вскоре вступил в парижскую секцию I Интернационала.

В начале июля 1870 г. Лопатин едет в Лондон с рекомендательным письмом от Лафарга к Марксу. Имя Маркса, основателя научного социализма, автора «Капитала», знаменитого революционера, основателя и вождя Интернационала, было уже широко известно. Маркс встречался со многими политическими деятелями и революционерами различных направлений, но редкие из них удостоивались сразу же, с первого взгляда, такой симпатии и доверия, как молодой русский революционер Г. А. Лопатин. Приглашённый на второй день знакомства, 3 июля, в семью Маркса, Лопатин пробыл там всё воскресенье, с 10 утра до 12 ночи. Многочасовая беседа положила начало близкому знакомству Лопатина с Марксом, продолжавшемуся до конца жизни Маркса.

Своё первое впечатление о молодом русском революционере Маркс высказал в подробном письме к Энгельсу от 5 июля 1870 года. Он сообщил о политических новостях, полученных от Лопатина из России, о положении среди русской политической эмиграции во Франции и Швейцарии и с особым удовольствием подчеркнул отрицательное отношение своего нового русского знакомого к анархизму и деятельности Бакунина и Нечаева. После первой встречи у Маркса сложилось следующее

⁵ Там же, стр. 10.

⁶ Кадников, уездный город Вологодской губернии, при царизме служил местом административной ссылки революционеров.

мнение о Лопатине: «У него очень живой критический ум, веселый характер, стоический, как у русского крестьянина, который довольствуется тем, что имеет»⁷.

Для Маркса было особенно важно получить достоверные сведения о России: и он и Энгельс считали царское самодержавие основной реакционной силой в Европе; развитие революционного движения в России Маркс и Энгельс признавали важнейшим условием ликвидации этой реакционной преграды. Но уже с первого дня знакомства Маркс обнаружил у Лопатина ошибочные, народнические взгляды, непонимание обязанности социалистов по отношению к угнетаемым народам России и особенно Польши.

В своей работе «О праве наций на самоопределение» Ленин, раскрывая ошибочную позицию Розы Люксембург в национальном вопросе, как раз и ссылаясь на критические замечания о взглядах Лопатина по этому же вопросу, сделанные Марксом уже при первой их встрече. «Маркс имел обыкновение, — писал Ленин, — «щупать зуб», как он выражался, своим знакомым социалистам, проверяя их сознательность и убежденность. Познакомившись с Лопатиным, Маркс пишет Энгельсу 5 июля 1870-го года в высшей степени лестный отзыв о молодом русском социалисте, но добавляет при этом:

«...Слабый пункт: Польша. По этому пункту Лопатин говорит совершенно так же, как англичанин — скажем, английский чартист старой школы — об Ирландии».

Социалиста, принадлежащего к угнетающей нации, Маркс расспрашивает об его отношении к угнетённой нации и сразу вскрывает общий социалистам господствующих наций (английской и русской) недостаток: непонимание их социалистических обязанностей по отношению к нациям подавленным, пережевывание предрассудков, перенятых от «великодержавной» буржуазии»⁸.

На Лопатина встреча с Марксом произвела неизгладимое впечатление. «Я отправился и сделал визит Марксу, — сообщает он в письме от 6 июля Лаврову, — в чём теперь несколько не раскаиваюсь, потому что это знакомство оказалось одним из приятнейших, сделанных мною». И, описывая дальше, как он изъяснялся при своём ещё слабом знании западноевропейских языков, он продолжал: «Я всегда опасуюсь у разных знаменитостей слишком сухого приёма. Опять приятное разочарование! Я не могу сказать, что я встретил у Маркса любезный приём, потому что это значило бы сказать слишком мало: обращение его под конец было скорее сердечное, чем любезное, а жена его объявила мне, что она сочтёт себя обиженной, если, приехав в Лондон, я вздумаю остановиться в отеле; что в их доме я всегда найду для себя отдельную комнату: «Никто Вас не стеснит: Вы можете бродяжничать, если хотите, хоть целый день, и возвращайтесь домой только ночевать. Потом: до тех пор, пока Вы не выучитесь по-английски настолько, чтобы вести экономно собственное хозяйство, Вы должны знать, что за нашим столом Вы всегда найдёте накрытым в ожидании Вас лишний куверт и пр.»⁹.

Вскоре Герман Александрович переселился в Лондон, чтобы, по его словам, «быть поближе к Марксу».



Частые беседы по многим принципиальным вопросам дали возможность Марксу хорошо изучить Лопатина и оказать на него серьёзное влияние. Об этих беседах Лопатин спустя много лет, и то весьма скупно,

⁷ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. XXIV, стр. 347—348.

⁸ В. И. Ленин. Соч. Т. 20, стр. 405—406.

⁹ Архив ИМЭЛ.

рассказывал своим знакомым. Его пленило в Марксе отсутствие «профессорской складки», наблюдаемой у многих «знаменитостей» в их общении с «простыми смертными». Он видел, что «железные сарказмы» Маркса направлялись лишь против врагов; друзья же всегда чувствовали его доброжелательное к себе отношение.

Рисуя образ основоположника марксизма, Лопатин отмечал огромную эрудицию и знание богатейшего фактического материала, на основании которого Маркс делал свои гениальные выводы. В совершенстве разбираясь в общественных отношениях и политической обстановке различных стран и разных эпох, Маркс заботливо помогал Лопатину в познании подлинно научной социалистической теории. Через два с половиной месяца знакомства Маркс рекомендовал Лопатина в члены Генерального совета Интернационала, куда он и был единогласно избран 20 сентября 1870 года. На том же заседании, так же единогласно, был введён в члены Генсовета и Ф. Энгельс. Этим Маркс значительно усилил позиции сторонников научного социализма в Генсовете против анархических и тредюнионистских элементов.

Избрание Лопатина совпало с усилением активности Генсовета в связи с франко-прусской войной, свержением монархии и образованием республики во Франции. Под руководством Маркса Генеральный совет, используя всё своё влияние, мобилизовал рабочие организации различных стран, и в первую очередь Англии, для того, чтобы помешать Бисмарку осуществить свои захватнические планы в отношении французской территории. Вскрывая двурушническую политику Англии, проводившуюся Гладстоном, Генсовет призывал рабочие организации сорвать планы Бисмарка и помешать очутившейся у власти французской реакционной клике уничтожить республику. Английский рабочий класс должен был оказать давление на правительство Гладстона, чтобы оно отказалось от своего «нейтралитета» и признало Французскую республику.

Сразу же после своего избрания Лопатин был выделен Генсоветом в числе пяти в комитет, созданный в Лондоне для защиты Французской республики¹⁰, а также в направленную Генсоветом к английскому премьер-министру Гладстону делегацию. Делегация должна была побудить кабинет министров к скорейшему заключению мира между Пруссией и Францией и к признанию Англией Французской республики с нерасчленённой территорией. По поводу этой миссии Лопатин писал впоследствии: «Помню, как несколько ранее, при самом начале осады Парижа, я сам был избран одним из депутатов Генерального совета к Гладстону, с целью побудить его министерство к вмешательству в пользу скорейшего заключения мира, ввиду того, что виновница войны — Бонапартская империя уже пала, а новорожденная республика охотно шла на все разумные уступки. Правда, Гладстон вежливо отклонил домогательства Совета, но всё же с Интернационалом тогда ещё разговаривали»¹¹.

За время работы в Генсовете, с 20 сентября по 22 ноября 1870 г., т. е. до отъезда в Россию, Лопатин не пропустил ни одного заседания, активно поддерживал по многим вопросам Маркса и Энгельса. Лопатину выпала также честь председательствовать 1 ноября 1870 г. на заседании Генсовета, на котором разбирались в числе других важных вопросов сообщение Маркса о состоянии социалистического движения в США и обсуждалась деятельность различных секций в связи с франко-прусской войной. На заседании Генсовета 22 ноября, происходившем под председательством Энгельса, Лопатин выступил с сообщением о внутреннем положении России. Он сообщал также, что в русских газетах опубликованы некоторые документы об Интернационале из архива Наполео-

¹⁰ См. Протокол Генсовета от 20 сентября 1870 года. Архив ИМЭЛ.

¹¹ «Г. А. Лопатин», стр. 166.

на III, из которых видно, какие способы применялись во Франции для борьбы против членов Интернационала¹³.

Но особенно полезна была помощь Лопатина Марксу в борьбе против бакунистов, пытавшихся расколоть и ослабить Интернационал. Так, 18 октября 1870 г. Маркс поставил на обсуждение Генсовета вопрос о поведении Национального совета Бельгии, одной из секций Интернационала, которая под влиянием анархистов отказалась напечатать в своём органе второе воззвание Генсовета по поводу франко-прусской войны к членам Международного товарищества рабочих. Лопатин выступил в защиту предложения Маркса осудить действия бельгийской секции, которое было принято единогласно¹⁴.

В борьбе против Маркса и Энгельса Бакунин не только пытался навязать Товариществу свои пагубные для рабочего движения анархические взгляды, но двурушнически вёл внутри I Интернационала подрывную работу, сохранив в виде тайной организации Альянс, который бакунисты обязались распустить. Не брезгуя ничем, Бакунин пытался дискредитировать и отстранить Маркса и Энгельса от руководства. Эти приёмы борьбы возмущали Лопатина, который категорически отказался взять на себя роль примирителя Маркса с Бакуниным, как ни уговаривал его Лавров. «За роль примирителя не возьмусь ни за что»¹⁵, — писал Г. Лопатин Лаврову.

Сам же Лавров не только занимал примиренческую позицию по отношению к Бакунину, но и поддерживал его раскольническую деятельность, помогая Бакунину своим авторитетом привлекать новых сторонников из русской студенческой молодёжи, находившейся за границей. Поддаваясь влиянию бакунинской демагогии, Лавров пытался убедить и Лопатина в «законмерности» взглядов Бакунина, которые, по его мнению, могли быть применимы если не для Западной Европы, то якобы для России. На это Лопатин иронически ответил Лаврову: «Я писал Вам, что я совершенно согласен с Вами в том, что в разное время и в разных местах следует действовать совершенно различно для достижения одной и той же цели. Но что, по моему мнению, Вы трактуете aspiratione Б-на с излишней терпимостью и благосклонностью, так как выраженные им идеи и планы имеют в виду известное место (Россию) и известное время (настоящее); и потому, для осуждения их целесообразности и практичности, следует стать именно на эту точку зрения и рассматривать их не просто «в пространстве и во времени», но в определённом данном пространстве и во времени, т. е. с точки зрения их соответственности с поставленной ими себе целью, — и пр.»¹⁶.

Маркс вполне доверял Лопатину и обращался к нему за сведениями о том или другом лице из русской эмиграции, желавшем вступить в Интернационал. В. Серебренников, сподвижник анархиста-террориста Нечаева, пытался, например, установить связь с Марксом, чтобы вступить в Интернационал для подрывной деятельности в нём. После характеристики, данной ему Лопатиным, Маркс предупредил Генсовет о нежелательности приёма Серебренникова.

Являясь противником раскольнической и дезорганизаторской деятельности бакунистов в Интернационале, Лопатин остался до конца сторонником Маркса в этой борьбе. Когда спустя много лет поклонники Бакунина старались воскресить память о нём, обеляя и оправдывая его борьбу с марксистами в I Интернационале, Лопатин выступил с решительным разоблачением клеветнических упражнений бакуниста М. И. Сагина. Как подчёркивал Лопатин, «именно сочувствие Интернационалу не

¹³ См. Протоколы Генсовета от 22 ноября 1870 года. Архив ИМЭЛ.

¹⁴ См. там же, от 18 октября 1870 года.

¹⁵ Архив ИМЭЛ.

¹⁶ Там же.

дозволяло ни одному разумному человеку симпатизировать Бакунину, вся деятельность которого в этом случае явно грозила распадением и гибелью Интернационала. Да и каким образом моральный человек мог сочувствовать и помогать людям, которые публично гремели против централизации, деспотизма, генеральства и самовластия Генерального совета, а негласно составляли заговор не против правительства, а против своих же товарищей единомышленников — учреждали тайный союз (l'Alliance), имевший целью секретно, неведомо для массы рядовых членов Интернационала, управлять его деятельностью»¹⁷.

Однако, несмотря на решительную поддержку Маркса в борьбе с бакунистами, Лопатин отказался помочь Марксу в разоблачении моральной нечистоплотности Бакунина. Как известно, последний в 1869 г. обязался перевести на русский язык первый том «Капитала», получив от издателя Полякова через посредника Н. Н. Любавина авансом 300 рублей. Перевода он не сделал и отказался вернуть полученные деньги. Маркс просил Лопатина представить ему сведения об этом, но Лопатин отказался, не поняв, как важно для I Интернационала разоблачение Бакунина. Это свидетельствует о том, что Лопатин не понял до конца всего вреда бакунизма для революционного движения. Спустя много лет Лопатин, вспоминая об этом, стоял на той же ошибочной точке зрения. «Несмотря на мою тесную дружбу с Марксом, — писал он, — я отказался наотрез дать ему находившиеся у меня в руках документы по этому делу, сказав ему: «Я не оправдываю вполне Бакунина, но никогда не соглашусь помогать позорить на всю Европу человека, игравшего такую роль в нашем революционном движении»¹⁸.

Участвуя в работе Генсовета, Лопатин одновременно принялся за перевод на русский язык первого тома «Капитала». Маркс придавал большое значение изданию «Капитала» в России и всячески содействовал этому. Как только начались переговоры об издании, он писал Энгельсу: «Меня, разумеется, чрезвычайно обрадовало известие о том, что моя книга появится в Петербурге в русском переводе»¹⁹. Как известно, Бакунин, начавший перевод «Капитала» на русский язык, застрял на первых же страницах, не выполнив своих обязательств. Переведённые им страницы были настолько неудачны, что их нельзя было испльзовать в дальнейшей работе. За перевод «Капитала» брались учёные различных стран, но их переводы далеко не соответствовали оригиналу, и Маркс и Энгельс подвергали их суровой критике.

Долгое время Лопатин не решался приступить к работе над столь сложным произведением. Однако частое общение с Марксом, его непосредственная помощь и изучение «Капитала» дали Лопатину возможность взяться за этот труд. «Мне предлагали много раз, — писал он Лаврову, — переводить «Kapital» Маркса, и я постоянно отказывался, но в последнее время, когда я прочёл почти всю эту книгу, я уведомил, что могу перевести её, особенно если взять во внимание проживание в одном городе с автором»²⁰.

Лопатина могла постигнуть участь многих неудачных переводчиков, бравшихся за это произведение, если бы он не обладал пытливым умом, что и подметил Маркс при первой с ним встрече. Стремясь воспринять взгляды Маркса и постоянно обращаясь к нему за разъяснениями, Лопатин с большой научной добросовестностью изучал по первоисточникам неясные для него вопросы, чтобы правильно донести мысль автора.

¹⁷ «Г. А. Лопатин», стр. 172.

¹⁸ Там же.

¹⁹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. XXIV, стр. 110.

²⁰ Письмо из Лондона к Лаврову от 30 августа 1870 года. Архив ИМЭЛ.

Перевод предстояло делать по первому немецкому изданию 1867 г., и Лопатин начал работу с первой главы (в последующих изданиях — первый раздел). Он обратил внимание Маркса на то, что эта глава («Товар и деньги») наиболее трудная и может отпугнуть читателя от дальнейшего изучения произведения. Маркс согласился с мнением Лопатина и предложил ему переводить вторую главу («Превращение денег в капитал») с тем, чтобы за это время переработать первую главу. Но осуществить эту работу для русского издания Маркс в силу своей занятости не смог. Всё же замечание Лопатина имело серьёзные последствия при дальнейших изданиях «Капитала». Уже для французского издания Маркс изложил содержание первой главы в более популярной форме.

Работая над отдельными главами и разделами «Капитала», в которых Маркс характеризовал или разоблачал буржуазных экономистов, Лопатин изучал их работы в библиотеке Британского музея и выявлял некоторые особенности во взглядах критикуемых авторов. Маркс соглашался с отдельными замечаниями Лопатина и вносил добавления или разъяснения в русское издание. Так, изучая работы английского вульгарного экономиста Сениора — автора пресловутой теории «воздержания» и «последнего часа», — Лопатин пришёл к заключению, что путаница и противоречия в «теории» Сениора могут быть непонятны читателям; поэтому необходимо внести дополнительное пояснение. И Маркс согласился с этим.

К разделу третьему, «Относительная величина или норма прибавочной стоимости» (в последующих изданиях — глава VII «Норма прибавочной стоимости»), было внесено дополнение к примечанию 32, т. е. к тому месту, где говорится о норме прибавочной стоимости как степени эксплуатации рабочей силы капиталистом и об общей сумме прибавочной стоимости. Внесённое по инициативе Лопатина примечание предупреждало читателя о необходимости отличать норму прибавочной стоимости от общей суммы прибавочной стоимости, причём это иллюстрировалось примерами. Такое дополнение появилось впервые в русском издании 1872 г. как примечание переводчика. Но уже в последующем издании «Капитала» Маркс ввёл это дополнение в виде самостоятельного примечания 30-а в изменённой редакции²¹.

Лопатин сделал ещё одно известное нам замечание по этому же разделу, полагая, что разъяснения путаницы и противоречия в толковании Сениора о «последнем часе» необходимо проиллюстрировать примером. По этому замечанию Маркс внёс дополнение к примечанию 34 под названием «Прибавление автора к 34 сноске», впервые появившееся в русском издании. Впоследствии это дополнение было введено Марксом и в другие издания как «Дополнение к примечанию 32» в несколько изменённом виде²².

Работу над переводом «Капитала» Лопатин прервал в конце 1870 г. ради освобождения Чернышевского. Лопатину удалось перевести значительную часть первого тома «Капитала». «В переводе «Капитала», — писал Энгельс Марксу, — главы 2—5 (включая машины и крупную промышленность) принадлежат ему (Г. А. Лопатину. — Н. С.), следовательно значительная часть»²³.

Дальнейшую работу над переводом «Капитала» Лопатин передал Н. Ф. Даниельсону, который долгое время отказывался от неё из боязни трудностей. Но, вооружённый опытом, Лопатин помог ему найти правильный путь для завершения перевода.

²¹ См. К. Маркс. Капитал. Т. I, стр. 224. 1949.

²² См. там же, стр. 231.

²³ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. XXIV, стр. 423.

Благодаря этому Россия была первой страной, получившей перевод «Капитала». Основоволожники марксизма считали русский перевод наиболее близким к оригиналу. Получив первое русское издание «Капитала», Маркс писал 28 мая 1872 г. Даниельсону: «Прежде всего большое спасибо за прекрасно переплетенный экземпляр. Перевод сделан мастерски. Мне очень бы хотелось получить еще один переплетенный экземпляр для Британского музея»²⁴.

В мастерском переводе «Капитала», несомненно, велика заслуга Лопатина. Ускорив русское издание «Капитала», он внёс тем самым свою лепту в дело ознакомления передовой русской интеллигенции с замечательным произведением Маркса.

Непосредственное общение с Марксом, знакомство с его основными трудами и особенно тщательное изучение первого тома «Капитала», почти двухмесячная работа в Генсовете I Интернационала, личное наблюдение борьбы рабочих Англии и Франции — всё это привело к тому, что Лопатин, по его словам, «познал социализм как научную систему»²⁵ и стал считать себя учеником и приверженцем Маркса.

В действительности Лопатин не смог уяснить марксизм, поэтому не сумел и использовать эту научную теорию для правильного анализа происходивших в то время экономических и политических изменений в России, и, как увидим, во всей своей последующей революционной деятельности он целиком остался на немарксистских позициях, став в борьбе с самодержавием на путь индивидуального террора. Народническая идеология тяготела над Лопатиным и мешала ему воспринять самое передовое научное пролетарское мировоззрение.

Маркс в беседах с Лопатиным неоднократно высказывался о великом русском революционном демократе Чернышевском. В свою очередь, Лопатин сообщил Марксу много нового о деятельности этого гениального мыслителя. В начале 1870 г., ещё до встречи с Лопатиным, Маркс начал изучать русский язык с тем, чтобы по первоисточникам глубже узнать Россию и познакомиться с её выдающимися передовыми деятелями. Одним из первых он прочитал фундаментальный труд Н. Г. Чернышевского «Примечания и дополнения к работе Дж. Ст. Милля «Основания политической экономии». Изучая эту работу, Маркс сразу распознал в авторе редкостного, оригинального, мужественного учёного и борца, жизнь и деятельность которого глубоко заинтересовали его. В письме к членам комитета русской секции Интернационала от 24 марта 1870 г. Маркс отмечал: «Такие труды... как вашего учителя Чернышевского, делают действительную честь России и доказывают, что ваша страна тоже начинает участвовать в общем движении нашего века»²⁶.

Беседы с Марксом оказали сильнейшее влияние на Лопатина. Они помогли ему осознать значение Чернышевского, в котором он увидел единственного вождя, способного в то время объединить различные течения и группы революционно-демократического движения в России и эмиграции, стать во главе революционного движения.

Маркс, вспоминая впоследствии Лопатин, «не раз говорил мне что из всех современных экономистов Чернышевский представляет единственного действительно оригинального мыслителя, между тем как остальные — суть только простые компиляторы; что его сочинения полны оригинальности, силы и глубины мысли и что они представляют единственные из современных произведений по этой науке, действительно заслуживаю

²⁴ «Переписка К. Маркса и Ф. Энгельса с русскими политическими деятелями»: стр. 61. Изд. Госполитиздат. 1947. (В последующих ссылках: «Переписка».)

²⁵ «Г. А. Лопатин», стр. 170.

²⁶ «Переписка», стр. 29.

щие прочтения и изучения; что русские должны стыдиться того, что ни один из них не позаботился до сих пор познакомить Европу с таким замечательным мыслителем; что политическая смерть Чернышевского есть потеря для учёного мира не только России, но и целой Европы и т. д. и т. д.»²⁷.

Под влиянием этих бесед с Марксом у Лопатина возник смелый план — вырвать Чернышевского из лап царского самодержавия. Помочь Чернышевскому вернуться к активной революционной борьбе.

О своём замысле освободить Чернышевского Лопатин не сообщил даже Марксу. «Я не сказал о своей затее даже Марксу, — пишет он, — несмотря на всю мою близость с ним и на всю мою любовь и уважение к этому человеку, так как я был уверен, что он сочтёт её сумасшествием и будет отговаривать меня от неё, а я не люблю отступать от раз задуманного мною дела»²⁸.

Лопатин показал себя здесь не как организатор массовой революционной борьбы, а как революционер-одиночка, который скрыл от Маркса планы предпринимаемого им весьма важного и рискованного революционного действия.

Только в письме из Петербурга от 15 декабря 1870 г.²⁹ Лопатин сообщил Марксу об истинной цели своей поездки в Россию, высказав одновременно предположение, что для освобождения Чернышевского ему потребуются три — четыре месяца.

С паспортом почётного гражданина Любавина Лопатин отправился в Иркутск как член Географического общества, едущий с научной целью в Сибирь. Но вскоре по прибытии в Иркутск, 17 января 1871 г., он был арестован. 3 июня того же года он неудачно пытался бежать из Иркутской тюрьмы.

Узнав, что Лопатин уехал в Россию с чрезвычайно дерзким, почти несуществимым намерением, Маркс был очень обеспокоен судьбой своего молодого друга. Пытаясь получить сведения о нём, Маркс запрашивал Даниельсона, который в письме от 11 мая 1871 г. сообщил: «Наш друг» находится сейчас в очень тяжёлом положении, худшем, чем когда он уезжал отсюда. Впрочем, надежда его не покидает. Подробности после»³⁰.

Не имея точных данных о судьбе Лопатина, Маркс предлагал ему через Даниельсона немедленно покинуть Россию и вернуться в Лондон. «Наш друг», — писал он, — должен вернуться в Лондон из своей торговой поездки. Корреспонденты той фирмы, от которой он разъезжает, писали мне из Швейцарии и других мест. Все дело рухнет, если он отложит свое возвращение, и сам он навсегда потеряет возможность оказывать дальнейшие услуги своей фирме. Соперники фирмы уведомлены о нем, ищут его повсюду и заманят его в ловушку своими происками»³¹. В ответном письме 30 августа 1871 г. Даниельсон сообщил Марксу, что «общий друг» вернуться не может, так как положение его ухудшилось, и рассчитывать на скорое освобождение невозможно.

Располагая агентурными сведениями о намерении Лопатина освободить «государственного преступника» Чернышевского, III отделение старалось состряпать дело, чтобы осудить Лопатина на долгие годы. Но Лопатину удалось отвести это обвинение и отделаться сторублёвым штрафом за проживание по чужому виду, наложенным верхоленским окружным судом. Тем не менее III отделение продолжало держать Лопатина под

²⁷ «Г. А. Лопатин», стр. 71.

²⁸ Там же, стр. 73.

²⁹ См. «Переписка», стр. 157.

³⁰ Там же, стр. 55.

³¹ Там же, стр. 56.

стражей, изыскивая новые данные для большого политического дела. Маркс был информирован о том, что Лопатину удалось сравнительно легко отделаться от опричников самодержавия. «Известия, которые Вы сообщили о нашем общем друге, — писал по этому поводу Маркс Даниельсону, — очень обрадовали меня и мою семью. Немногих людей я так люблю и так уважаю, как его»³².

Но над Лопатиным сгушались тучи. Вторая его попытка к побегу в июне 1872 г. опять оказалась неудачной. Сидя в тюрьме, он задумал новый, третий побег. Путь к свободе Лопатин выбрал на этот раз через почти непреодолимые природные преграды: на лёгкой двухвёсельной лодке он направился вниз по Ангаре и не раз, рискуя жизнью, перескакивал пороги. Проявив огромное мужество и необычайную выдержку, он добрался в «душегубке» до Енисея и вышел на берег Усть-Тунгуски, проплыв в общей сложности около 2 тысяч километров. Оттуда через тайгу он направился в Томск, где случайно в ноябре 1872 г. был опознан, арестован и снова доставлен в Иркутскую тюрьму. «Судьба нашего милого «общего друга», — писал Маркс, — глубоко волнует всю мою семью. У меня есть план помочь ему — путем дипломатического вмешательства — из Константинополя. Может быть это и удастся»³³.

Из Иркутска, находясь под стражей, Лопатин сумел летом 1873 г. послать корреспонденцию в журнал «Вперёд», в которой он давал сведения о ссыльно-каторжных, о Чернышевском и о себе. Лопатину удалось предать гласности многое из того, что самодержавие скрывало от общественности, и главное — описать судьбу человека, имевшего огромное влияние в России «на развитие общественной мысли в течение многих лет сряду» и которого «ум, знания, честность и всегдашняя верность своим основным принципам завоевали ему в кругу нашей передовой молодёжи» неоспоримый авторитет³⁴. Лопатин с презрением отзывался о тех кругах либеральной интеллигенции, которые на словах возмущались произволом самодержавия по отношению к Чернышевскому, но не ударили пальцем о палец для облегчения его участи. Описав подробно суровые каторжные условия, в которых содержался узник в Нерчинском заводе и Вилуйске, Лопатин вскрыл беззаконие и произвол русского самодержавия.

Напечатанная в журнале «Вперёд» корреспонденция из Иркутска привлекла внимание передовых деятелей, пристально следивших за революционной борьбой русской интеллигенции, и стала известна также Марксу. В Иркутске Лопатин написал ещё статью «Не наши», которая была опубликована в третьем томе журнала «Вперёд» в 1874 году. Он рассказал в этой статье о своей встрече с сектантами, почти не известными общественности, которые отрицали религию, власть, собственность, семью, существующие законы и обычаи и, несмотря на пытки и преследования со стороны царских властей, упорно держались своих взглядов. Маркс, прочитав эту статью, заинтересовался описанными сектантами, отмечая в их взглядах и поведении, хотя и несовершенную, форму протеста против самодержавных порядков России. «Не наши», — писал он Лаврову, — славный народ. Я подозреваю, что наш друг Лопатин имеет некоторое отношение к этой статье»³⁵.

После трёх неудачных попыток Лопатину всё же удалось 22 июля 1873 г. бежать из Иркутского острога и добраться до Петербурга, откуда он вскоре отправился в Лондон. Маркс был в это время в Манчестере, и Лопатин встретился с Ф. Энгельсом, который сразу же в письме от 23 ноября 1873 г. сообщил Марксу о прибытии Лопатина в Лондон и о подробностях побега их друга.

³² Там же, стр. 61.

³³ Там же, стр. 63.

³⁴ См. «Г. А. Лопатин», стр. 92.

³⁵ «Переписка», стр. 163.



Вернувшись в Лондон, Лопатин не расставался с мыслью об освобождении Чернышевского. Он ездил в Швейцарию, где вёл переговоры с различными эмигрантами об основании специального общества для освобождения Чернышевского, но все его попытки в этой области не имели успеха.

Когда Александр II, в ознаменование бракосочетания своей дочери Марии Александровны с герцогом Эдинбургским, объявил «амнистию» политическим преступникам, Лопатин, непримиримый враг самодержавия, решил выступить с разоблачением манёвра Александра II, рассчитанного на то, чтобы ввести в заблуждение общественное мнение. Он обратился с открытым письмом к царю во время его пребывания в Букингемском дворце.

Как в письме к редактору «Daily News», так и в письме к Александру II Лопатин вскрывал истинную подоплёку императорской «милости». Он сожалел, что ему не удалось до приезда императора напечатать ряд статей, «имеющих целью показать кое-какие образчики русского правосудия,— хотя бы на примере Чернышевского, осуждённого за заговор, в котором он один был зачинщиком, и членом и исполнителем, и подвергающегося с той поры неслыханным притеснениям и жестокостям; а также познакомить иностранцев с некоторыми другими эпизодами «кроткого» царствования «благодущного русского монарха»³⁶.

Поддерживая тесную связь с Марксом и Энгельсом, в которых Лопатин видел не только гениальных учёных и великих революционеров, но и самых последовательных союзников в борьбе против ненавистного ему самодержавия, он внимательно следил за всей деятельностью основоположников марксизма. Каждый вновь опубликованный труд Маркса или Энгельса Лопатин тщательно изучал, признавая правоту их взглядов.

Как известно, в 1874 г. Энгельс опубликовал в «Volksstaat» часть своей статьи «Об эмигрантской литературе», где подверг сокрушительной критике эклектизм Лаврова и его примиренческую позицию по отношению к бакунистам. Несмотря на дружеские отношения с Лавровым, Лопатин, прочитав эту статью, сразу же написал Энгельсу из Парижа: «Что касается меня, то я прочёл статью с большим интересом и должен признать правильность Вашей аргументации»³⁷. А когда Энгельс начал печатать в 1876—1878 годах в «Vorwärts», органе ЦК германской социал-демократии, статьи против Дюринга, направленные в целом против значительной части руководства социал-демократии, заражённого дюрингианством, Лопатин также стал на сторону Энгельса. В письме из Швейцарии от 17 апреля 1878 г. Лопатин одобрительно отзывался об этих статьях и критиковал тех русских социалистов, которые ухитряются подчас соединить воедино вещи совершенно несовместимые и делают общую смесь (правда, очень крепкую и очень революционную) из Прудона, Маркса и Дюринга только на том основании, что все трое находятся в крайней оппозиции и труды их в той или иной мере запрещаются и преследуются у нас в России»³⁸.

Лопатин не мог долго сидеть за границей, его тянуло на родину, и почти ежегодно с 1874 по 1879 г. он нелегально приезжал в Россию, чтобы лично убедиться в том, какие изменения произошли в стране и какие пути возможны в борьбе с самодержавием³⁹. Замечательно, что в одну из таких поездок в 1878 г. он под чужим именем успешно вёл в Московском коммерческом суде дело о прекращении иска против знаменитого русского изобретателя Яблочкова, которому угрожало заключение вследствие банкротства.

³⁶ «Г. А. Лопатин», стр. 127.

³⁷ «Переписка», стр. 165.

³⁸ Там же, стр. 182—183.

³⁹ См. «Г. А. Лопатин», стр. 12—13.

В России происходили в тот период серьёзные экономические и социальные изменения. Потерпело неудачу народничество семидесятых годов. В начале своей деятельности народническая интеллигенция верила в коммунистические инстинкты крестьянства, которому якобы достаточно было разъяснить смысл его положения и нарисовать перед ним картину будущего, чтобы оно, крестьянство, поднялось, сбросило гнёт помещика и царя и на основе общины, миновав капиталистический строй, построило царство коммунизма. «Вера в коммунистические инстинкты мужика,— писал Ленин,— естественно, требовала от социалистов, чтобы они отодвинули политику и «шли в народ»⁴⁰. Но, столкнувшись с действительностью, народники поняли, что без политических прав, без минимума политических свобод пропаганда среди крестьян, стоившая огромных жертв, не приведёт к ожидаемым результатам.

Лопатин искал новых форм борьбы с самодержавием. В многочисленных беседах с Марксом Лопатин не раз касался вопроса о России. Как видно, исходный пункт во взглядах народников семидесятых годов — веру в коммунистические инстинкты крестьянства и в особую роль русской общины — Лопатин уже не разделял и заявлял о своём согласии в этом вопросе с точкой зрения Маркса. В своих воспоминаниях он писал: «Маркс никогда не высказывал мне ни в категорической, ни в сколько-нибудь определённой форме своих надежд на то, что русская община поможет России миновать капиталистическую стадию развития. Не думаю, чтобы он верил в это хотя одну минуту»⁴¹.

Программа «Земли и воли», принятая в 1878 г., отражала бакунистские идеи о том, что посредством «хождения в народ» можно организовать в России народную революцию, которая должна будет привести к анархии и коллективизму, т. е. к созданию общинно-социалистического общежития без государства. Г. А. Лопатин не соглашался с этой программой, так же как со всей идеологией и тактикой бакунизма.

Анализируя обстановку в России во второй половине семидесятых годов, Лопатин подметил кризис народничества и в своём письме к Энгельсу из Парижа в ноябре 1878 г. так характеризовал создавшуюся в стране политическую ситуацию: «Социалистическая пропаганда среди крестьян, повидимому, почти прекратилась. Наиболее энергичные из революционеров перешли, инстинктивно, на путь чисто политической борьбы, хотя и не имеют еще нравственного мужества открыто сознаться в этом. Эта политическая борьба носит, правда, пока чрезвычайно узкий характер, ограничиваясь исключительно актами мести против некоторых лиц и попытками освободить отдельных товарищей. Что касается общества вообще, то оно постепенно теряет последние крохи уважения к правительству и нередко взирает с сочувствием на действия крайней партии»⁴². Как видно, Лопатин стоял за политическую борьбу и не был удовлетворён методами борьбы народников.

После раскола «Земли и воли» на «Народную волю» и «Чёрный передел» Лопатин не примкнул ни к одной из этих организаций. Но, симпатизируя новому направлению «Народной воли», Лопатин решил ехать в Россию и принять активное участие в революционной борьбе.

Тогда в стране в связи с обострением социальных противоречий возникла революционная ситуация, становилось всё яснее, что центр революционной борьбы переносится в Россию. Маркс и Энгельс в конце семидесятых годов пришли к выводу, что для революции в России уже не нужен толчок извне,— наоборот, русская революция послужит толчком для революции в Западной Европе. По их мнению, Россия находилась «накануне всемирно-исторического кризиса»⁴³.

⁴⁰ В. И. Ленин. Соч. Т. 1, стр. 259.

⁴¹ Журнал «Былое» № 15 за 1920 год, стр. 5.

⁴² «Переписка», стр. 187.

⁴³ Там же, стр. 195.

Лопатин знал эти взгляды Маркса и Энгельса, чувствовал, с какой симпатией основоположники марксизма относились к непрекращающейся героической борьбе русского народа против самодержавия и остатков крепостничества.

Маркс и Энгельс старались отговорить Лопатина от переезда в Россию, так как им было известно об установленной за ним тщательной слежке. «Ваши советы, может быть, очень благоразумны и очень хороши, — писал Лопатин Энгельсу перед отъездом, — но я, кажется, не в состоянии буду долго оставаться за границей и скоро вернусь на родину, конечно, под чужой фамилией»⁴⁴.

Лопатин отправился в Петербург, где вскоре был арестован по доносу агента III отделения из Парижа. Просидев 13 месяцев в Петропавловской крепости, он за недостаточностью улик был выслан в административном порядке в Ташкент, а в 1882 г. переведён в Вологду под надзор полиции.

За это время в революционном движении России произошли события, которые стали известными всему миру и приковали к себе внимание основоположников марксизма.

Казнь народовольцами Александра II 13(1) марта 1881 г. рассматривалась Марксом и Энгельсом как симптом кануна русской революции — событие, «которое в конце концов должно будет неизбежно привести, хотя бы и после длительной и жестокой борьбы, к созданию Российской Коммуны»⁴⁵.

Будучи противниками тактики индивидуального террора как средства борьбы против существующих режимов, Маркс и Энгельс тогда предполагали, однако, что при создавшейся революционной ситуации в России активные выступления оппозиционных партий, дворцовый ли заговор и даже террористические действия «Народной воли» против царя и его правительства могут привести к революции или, как позже сформулировал это в письме к Засулич Энгельс, «одним небольшим толчком заставить рухнуть целую систему, находящуюся в более чем неустойчивом равновесии (пользуясь метафорой Плеханова), и освободить актом, самим по себе незначительным, такие взрывчатые силы, которые затем уже невозможно будет укротить»⁴⁶. Маркс и Энгельс надеялись, что революция в России выдвинет своих подлинных революционных представителей и вождей масс и сметёт тех, кто попытается за массы и вопреки им разрешать вопросы со своих народовольческих позиций «героев» и «толпы». Следовательно, основоположники марксизма делали ставку не на народовольцев, а на многомиллионные массы трудящихся России, видя в них союзников рабочего движения на Западе.

Ход событий вскоре показал банкротство «Народной воли», её программы и тактики. Уже в 1894 г. Энгельс отметил, что в конце 70-х годов падение царизма казалось ему и Марксу близким; революция в России должна была нанести сильнейший удар европейской реакции и дать новый могучий толчок революционному движению на Западе. Однако, продолжал Энгельс, революции в России не произошло. Царизм восторжествовал над терроризмом. Личное мужество народовольцев, «героических русских передовых борцов», не подлежит сомнению. «Но это вовсе не обязывает нас разделять их иллюзии»⁴⁷. Касаясь писем Маркса и Энгельса о России, относящихся к 70—80-м годам XIX в. и проникнутых нетерпеливым ожиданием революции в России, Ленин отмечал впоследствии, что эти надежды Маркса и Энгельса на близость русской революции не осуществились, да, пожалуй, и не могли тогда осуще-

⁴⁴ Там же, стр. 188.

⁴⁵ Там же, стр. 209.

⁴⁶ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. XXVII, стр. 462.

⁴⁷ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. XVI, ч. II, стр. 397, 399.

ствиться. Маркс и Энгельс ошиблись в определении близости революции, в надеждах на её близкую победу⁴⁸.

Убийством Александра II «Народная воля» исчерпала себя. История всецело осудила единоборство народовольцев с самодержавием. Вместо убитого Александра II вступил на престол Александр III. В стране воцарилась самая разнузданная реакция.

«Избранный народниками, — писал товарищ Сталин, — путь борьбы с царизмом посредством отдельных убийств, посредством индивидуального террора был ошибочным и вредным для революции. Политика индивидуального террора исходила из неправильной народнической теории активных «героев» и пассивной «толпы», ждущей от «героев» подвига. Эта ложная теория говорила, что только отдельные выдающиеся одиночки делают историю, а масса, народ, класс, «толпа», как презрительно выражались народнические писатели, неспособна к сознательным, организованным действиям, она может только слепо идти за «героями». Поэтому народники отказались от массовой революционной работы среди крестьянства и рабочего класса и перешли к индивидуальному террору»⁴⁹.

В феврале 1883 г. Лопатин совершил удачный побег и уехал за границу, чтобы снова увидеть Маркса и связаться с русскими политическими кругами для определения задач дальнейшей борьбы с самодержавием.

★

Перебравшись через границу, Лопатин узнал о тяжёлой утрате для всего мирового революционного движения — о смерти Маркса. Потрясённый этой вестью, он писал из Парижа Элеоноре Маркс: «Моя дорогая мисс Тусси! У меня нет слов, чтобы выразить Вам, какую боль причинило мне известие о смерти Вашего отца и как глубоко я сочувствую Вашему горю. Сообщение о кончине моего уважаемого и любимого друга было первое, что я услышал, переступив порог Лаврова! Маркс умер как раз в тот день, когда я переходил границу России. Таким образом, задержка в несколько дней лишила меня радости ещё раз в жизни обнять этого человека, которого я любил как друга, уважал как учителя и почитал как отца»⁵⁰.

Весть о приезде Лопатина быстро дошла до Энгельса, который по этому поводу писал Лаврову: «Мы все были радостно удивлены известием о том, что наш смелый, до безумия смелый Лопатин, снова благополучно вернулся на волю. Будем надеяться, что, сохранив смелость, он оставил безумие в России. Надеюсь увидеть его здесь на днях. Передайте ему от меня горячий привет»⁵¹.

После прибытия в Париж Лопатин примкнул к уцелевшим членам старого Исполнительного комитета «Народной воли» М. Н. Ошаниной и Л. А. Тихомирову (ставшему вскоре ренегатом).

Вопреки своей старой позиции отрицательного отношения к индивидуальному террору, зная также, что Маркс и Энгельс отвергали эту тактику и строили свои тактические положения на массовой организации трудящихся, Лопатин стал сторонником народовольческих, ошибочных, вредных для дела революции форм борьбы с самодержавием. Чем же объяснить такой факт? Здесь наглядно обнаружилась зависимость мировоззрения Лопатина от социально-политических условий русской жизни, которые определяли его деятельность и его мировоззрение.

Ленин в своей знаменитой работе «Что делать?», говоря о процессе «утробного развития» российской социал-демократии (с 1884 по 1894) и периоде её «детства и отрочества» (с 1894 по 1898), следующим образом

⁴⁸ См. В. И. Ленин. Соч. Т. 12, стр. 336—337.

⁴⁹ «История ВКП(б). Краткий курс», стр. 12—13.

⁵⁰ «Переписка», стр. 220.

⁵¹ Там же, стр. 222.

характеризовал молодых социал-демократических деятелей этих периодов: «Многие из них начинали революционно мыслить как народовольцы. Почти все в ранней юности восторженно преклонялись перед героями террора. Отказ от обаятельного впечатления этой героической традиции стоил борьбы, сопровождался разрывом с людьми, которые во что бы то ни стало хотели остаться верными Народной воле и которых молодые социал-демократы высоко уважали»⁵². Как и многим другим революционным деятелям того времени, Лопатину импонировал героизм народовольцев. Он не мог выйти из-под влияния их идей, переоценил силу их действия и не осознал приносимого ими вреда делу революции.

Провалы и аресты в России нарушили все связи, и группка эмигрантов не только не могла оказать сколько-нибудь серьёзного влияния на оставшихся после разгрома народовольцев в России, но и иметь даже реальное представление о состоянии находящихся там организаций. Несмотря на трагизм положения «Народной воли», Лопатин всё же решил вернуться в Россию и попытаться восстановить организацию.

Лопатин полагал, что только террористическая деятельность «Народной воли» принудит царя созвать Земский Собор, который произведёт политическое и социальное переустройство в стране, т. е. её конституционное преобразование. И не случайно он совершенно не упоминает о народной революции, а говорит лишь о «глубоких беспорядках»⁵³, которые должны послужить не толчком для народной революции, а только средством устрашения государя для созыва Земского Собора.

Перед своим отъездом Лопатин встретился с Ф. Энгельсом и в продолжительной беседе выяснил его взгляды на положение дел в России. Приступая к воссозданию «Народной воли», Лопатину было чрезвычайно важно заручиться мнением Энгельса, чье имя и труды стали уже известны революционной интеллигенции в России. Однако, направляя туда письменную информацию о результате свидания с Энгельсом, Лопатин по-своему истолковал взгляды Энгельса, превратив его в «народовольца».

В то же время он был вынужден отметить в своём сообщении, хотя и довольно туманно, отрицательное отношение Энгельса к утопическим взглядам народников относительно самобытности русского крестьянина, якобы готового строить коммунизм. «Конечно,— писал Лопатин,— он (Энгельс.— Н. С.) не верит в моментальное осуществление коммунизма или чего-либо подобного, но лишь того, что уже назрело в жизни и в душе народа. Он верит, что народ сумеет найти себе красноречивых выразителей своих нужд и стремлений и т. д.»⁵⁴.

Лопатин застал в России тяжёлую обстановку. Самодержавие не только громило остатки «Народной воли», но, действуя через провокаторов, вносило дезорганизацию и замешательство в ряды оставшихся на свободе народовольцев. Один из видных народовольцев, оказавшийся провокатором, С. Дегаев, хорошо осведомлённый о работе центра, выводил из строя под руководством начальника петербургского охранного отделения Судейкина последних уцелевших от ареста представителей старшего поколения народовольцев. Весной 1883 г. он выдал В. Н. Фигнер и созданную ею военную организацию. Видя неизбежность разоблачения, Дегаев отправился в мае 1883 г. в Париж и сознался в своём предательстве перед Ошаниной и Тихомировым, предлагая искупить свою вину выполнением любого задания. Ему поручено было убийство Судейкина, но по возвращении в Россию провокатор, не выполнив задания, продолжал свою гнусную работу. Налаживая связи, Лопатин

⁵² В. И. Ленин. Соч. Т. 5, стр. 483—484.

⁵³ Материалы для истории русского социально-революционного движения, стр. 98. Издание группы старых народовольцев. Женева. Январь 1893.

⁵⁴ Там же.

наткнулся на Дегаева и, быстро обнаружив его двуличность, вынудил провокатора признаться во всём. Не будучи ещё формально членом «Народной воли», Лопатин заставил Дегаева помочь убить Судейкина. Судейкин был убит. В начале 1884 г. Лопатин вернулся в Париж, где оформил своё вступление в партию «Народная воля».

Народовольцы-эмигранты решили вместе с Лопатиным создать «Распорядительную комиссию», в задачу которой входило восстановить организацию «Народная воля»; это дело и взял на себя Лопатин. С этой целью, имея соответствующие полномочия, он приехал в марте 1884 г. в Петербург.

Перед Лопатиным стала здесь, по его собственным словам, «чудовищная для единичной личности задача: «собрать рассыпанную хранину», отделяя «пшеницу от плевел», т. е. удалять немалочисленные продукты политического разврата последних годов, вторгнувшиеся в революционную среду — особенно в студенческие и рабочие кружки, — в форме лиц, ведущих двойную игру с революцией и с полицией; затем отбирать «чистых от нечистых»⁵⁵.

Это был период наиболее усердной деятельности III отделения. Среди уцелевших от разгрома членов организации «Народной воли» на местах царило смятение, многие из них ожидали ареста. Дегаевщина нанесла организации серьёзный ущерб ещё и тем, что вызвала враждебность и недоверие местных революционных групп к исполнительному комитету, в результате чего зарождалась и оформлялась оппозиция к представителям «Народной воли». Среди молодых народовольцев раздавались голоса, требовавшие, чтобы низовые организации проявляли собственную инициативу в революционных делах. Оппозиция стремилась произвести ревизию программных и тактических положений старой «Народной воли».

Революционная молодёжь искала новых путей борьбы с самодержавием, в результате чего выделилось течение «молодых» во главе с П. Ф. Якубовичем, что фактически явилось началом раскола «Народной воли». Если старые народовольцы стояли за строгую централизацию, то «молодые» ратовали за независимость местных организаций. Если исполком «Народной воли» считал необходимым и в дальнейшем сосредоточить всё внимание на казни самодержца и его министров, то «молодые» предлагали в целях сближения с массами ввести террор аграрный и фабричный.

В этих условиях дезорганизации и развала Лопатин взял на себя задачу воссоздания «Народной воли» на старых программных, тактических и организационных принципах. Но задача эта была безнадежной не только для одного, хотя бы и такого выдающегося деятеля, как Лопатин, но и для целых групп: «Народная воля» была уже осуждена опытом истории революционного движения в России.

В результате развития капитализма, роста промышленности и транспорта рос и оформлялся российский рабочий класс. В начале восьмидесятых годов усилилась стачечная борьба рабочих, вызвавшая тревогу правительства Александра III. Стали появляться первые марксистские кружки. В 1883 г. за границей была создана Плехановым группа «Освобождение труда».

Почти одновременно образовалась в России группа русских социал-демократов Благоева, организовавшая в Петербурге до 15 кружков.

Всё это прошло мимо Лопатина, взгляды которого в это время отразились в выпущенном при его содействии 10-м номере «Народной воли», где подтверждалась прежняя программа партии «Народная воля» и от её имени говорилось: «Мы в современной России можем действовать только как заговорщики»⁵⁶. В статье, помещённой в этом номере

⁵⁵ «Г. А. Лопатин», стр. 14—15.

⁵⁶ «Народная воля» № 10 от 6 сентября 1884 года, стр. 6.

под названием «Вместо внутреннего обозрения», Лопатин также защищал народовольческие взгляды и рассматривал самодержавие как не имеющее якобы опоры ни в одном из общественных классов⁵⁷. Особое место уделяет Лопатин в этой статье интеллигенции, рассматривая её как надклассовую самостоятельную силу и переоценивая её роль в борьбе против самодержавия.

Лопатин не понял общественно-политических изменений, происшедших в России, и не заметил в пробуждающемся российском пролетариате главную и решающую силу революции. В России «были социалисты, было и рабочее движение,— писал товарищ И. В. Сталин,— но они шли независимо друг от друга, сами по себе: социалисты — к утопической мечте («Земля и воля», «Народная воля»), а рабочее движение — к стихийным бунтам. Оба действовали в одни и те же годы (70—80-е годы), не зная друг друга. Социалисты не имели почвы среди трудящегося населения, ввиду чего их действия были отвлечёнными, беспочвенными. Рабочие же не имели руководителей, организаторов, ввиду чего их движение выливалось в беспорядочные бунты. Это было главной причиной того, что героическая борьба социалистов за социализм осталась бесплодной и их сказочное мужество разбилось о твёрдые стены самодержавия»⁵⁸.

Лопатин начал свою борьбу за воссоздание «Народной воли» в атмосфере недоверия со стороны членов организации к представителю старой «Народной воли» и под постоянной угрозой ареста. Преодолевая препятствия, он с присущей ему необыкновенной энергией и мужеством разъезжал по России, устанавливал связи и, чтобы сплотить разрозненные силы, пытался организовать покушение на министра внутренних дел графа Толстого и на прокурора Муравьёва, главного обвинителя по делу народovolьцев.

Лопатин преуспел во многом. В течение нескольких месяцев он сумел предотвратить раскол среди народovolьцев, завербовать новых членов в организацию, но его кипучая деятельность была прервана 5 октября 1884 г. неожиданным арестом на Казанском мосту. Лопатин не успел уничтожить списки членов организации «Народной воли», что привело к многочисленным арестам и гибели всего того, что создавалось им с таким упорством. С арестом Лопатина и многих членов организации «Народная воля» сошла со сцены. На донесение министра внутренних дел об аресте Лопатина Александр III наложил резолюцию: «Надеюсь, что этот раз он больше не уйдёт»⁵⁹.

В течение трёх лет предварительного заключения Лопатин старался запутать следствие, чтобы спасти от арестов членов организации, упомянутых в вырванном у него списке. Он стремился взять на себя вину арестованных товарищей в тех случаях, где это только было возможно. В июне 1887 г. состоялся процесс «двадцати одного» во главе с Лопатиным. Мучительно переживая арест товарищей из-за его непредусмотрительности, Лопатин рассказал им, как сыщики схватили его за горло в тот момент, когда он пытался проглотить список, а когда он потерял сознание, завладели списком организации «Народная воля».

На суде Г. А. Лопатин из обвиняемого превратился в обвинителя царских сатрапов и ненавистного ему самодержавия. «Но, что бы я ни сделал,— сказал он на процессе,— я жалею об одном, что сделал мало. Пощады я просить не желаю и уверен, что сумею умереть так же мужественно, как и жил»⁶⁰. Решение суда было подготовлено заранее: Лопатин был приговорён к смертной казни. Но Александр III решил обречь его на медленную смерть и заменил смертную казнь пожизненным за-

⁵⁷ «Г. А. Лопатин», стр. 13.

⁵⁸ И. В. Сталин. Соч. Т. 1, стр. 13.

⁵⁹ Журнал «Голос минувшего» № 1—3 за 1918 год, стр. 225.

⁶⁰ «Процесс 21», стр. 38. Женева. 1888.

ключением в Шлиссельбургской крепости, убеждённый, что «это самое сильное и неприятное наказание»⁶¹.

Ф. Энгельс, продолжатель дела Маркса, его верный друг и соратник, заботливо следил за участью узника. «Здесь распространились некоторые благоприятные слухи о судьбе нашего общего друга,— писал он Даниельсону, когда Лопатин находился ещё под следствием.— Не можете ли Вы сообщить мне о нем что-нибудь новое?»⁶². 13 ноября 1885 г. Энгельс снова запрашивал о положении Лопатина.

В начале 1886 г. Энгельс получил от кого-то неправильную информацию, что Лопатин на свободе. Обрадованный этой вестью, Энгельс поспешил рекомендовать Лопатину через Даниельсона немедленно выехать за границу, выражая надежду, что они вновь встретятся. «Очень рад был,— писал Энгельс,— узнав, что нашему другу рекомендуют перемену климата,— я думаю, что его направят, примерно, туда же, куда его врачи посылали раньше и где условия были, повидимому, довольно благоприятны для его здоровья. Во всяком случае, это служит для меня доказательством того, что всякая опасность внезапного кризиса в его болезни теперь миновала»⁶³.

Пытаясь найти источник точной информации о судьбе Лопатина, Энгельс обращался к Даниельсону, Лаврову и другим русским политическим деятелям. К сожалению, он не всегда получал верные сведения. Так, после осуждения Лопатина Даниельсон сообщил Энгельсу ложную версию о смерти Лопатина. Не желая верить этому, Энгельс немедленно запросил об этом Лаврова: «От Даниельсона из СПб я получил известие о смерти г. Лопатина. Получили ли Вы подтверждение этому? Хочу думать, что это ошибка»⁶⁴. Энгельс опять сделал несколько запросов Даниельсону; в письмах от 5 января и 15 октября 1888 г. он настойчиво требовал сведений о судьбе Лопатина. В 1889 г. Энгельс получил наконец достоверное известие, что Лопатин жив и находится в одиночном заключении в Петропавловской крепости.

В письме от 4 июля 1889 г. Энгельс писал Даниельсону: «Сообщенные Вами сведения о состоянии здоровья общего друга очень утешительны и вполне совпадают с тем, что мы знаем из других источников. Человек с такой несокрушимой натурой, без сомнения, выйдет невредимым из всех опасностей, и мы надеемся в один прекрасный день снова увидеть его здесь полным сил и совершенно здоровым»⁶⁵.

Итак, до последних дней своей жизни Энгельс верил, что снова встретится с мужественным борцом против самодержавия и крепостничества.

Но Лопатин уже терял надежду выбраться из «каменного мешка». В своём стихотворении, написанном 31 декабря 1890 г. и озаглавленном «На 1891 год», он писал:

А я свой дар уже принёс,
Мне новой не видать денницы
И не восстать из-под колёс
Джаггернаутской колесницы⁶⁶.



Революция 1905 г. заставила самодержавие освободить многих узников. Правительство Николая II с особой неохотой раскрыло двери крепости перед Лопатиным. Но Николай II решил не выпускать Лопатина.

⁶¹ «Голос минувшего» № 3 за 1918 год, стр. 225—226.

⁶² К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. XXVII, стр. 484.

⁶³ Там же, стр. 534—535.

⁶⁴ «Переписка», стр. 232—233.

⁶⁵ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. XXVIII, стр. 132.

⁶⁶ Сборник «Под сводами», стр. 212. М. 1909.

тина из виду. По царскому указу, его должны были сослать на поселение в Сибирь, но «вследствие временного расстройтва эгапных путей в Сибирь» ему разрешили временно проживать в городе Вильно, а затем в Петербурге под постоянным надзором.

Свыше двадцати лет пробыл Лопатин в одиночном заключении. Не имея возможности следить за изменениями, происходившими во всём мире и в России, Лопатин не смог понять характера империалистической эпохи и того особого места, которое занимала царская Россия в империалистической цепи. Несмотря на знакомство с учением Маркса и Энгельса о всемирно-исторической роли пролетариата, он не осознал, что в России оформился самый революционный в мире рабочий класс.

За множеством различных партий в России и за рубежом Лопатин не разглядел вновь созданной великой революционной партии нового типа, создатели и вожди которой Ленин и Сталин в борьбе с оппортунизмом в России и на международной арене отстаивали марксизм и развили дальше учение Маркса и Энгельса, подняв его на новую ступень. Не разглядел Лопатин также и того, что большевистская партия стала подлинным вождем российского рабочего класса и подготовила его как гегемона к февральской буржуазно-демократической революции. Вот почему Лопатин, освобождённый революцией 1905 г., не нашёл себе места в революционной борьбе и почти не принимал в ней участия до 1917 года. Он, конечно, не мог назвать свою партию эсеров, которая выдавала себя за наследницу «Народной воли», а на деле выражала интересы «взбесившейся» от ужасов капитализма мелкой буржуазии и была заклятым врагом марксизма. Не верил Лопатин и в «марксизм» меньшевиков.

Февральская буржуазно-демократическая революция 1917 г. застала Лопатина в Петербурге.

В престарелом Г. А. Лопатине (ему исполнился 71 год), потрясённом происходившими событиями, как бы пробудился прежний бесстрашный Лопатин. Вместе с рабочими, трудящимися он вышел на борьбу с ненавистнейшим врагом — самодержавием. Полуслепой, сопровождаемый близкими, он шёл туда, где происходили уличные стычки и бои между восставшими массами и оставшимися ещё на стороне самодержавия вооружёнными силами. Ему казалось, что со свержением самодержавия полностью осуществилось то, за что отдали лучшие годы своей жизни он и многие поколения революционеров, видевших в самодержавии главное препятствие для развития творческих сил народа, для превращения его родины в передовую страну.

Потрясённый всеми этими переживаниями, Лопатин записал в своём дневнике в один из первых дней революции: «28, вторник. Чтобы описать всё виденное, пережитое и пережитое мною в этот навеки незабываемый для меня день, самый счастливейший день в моей жизни, понадобились бы целые томы. Конечно, я весь день и вечер провёл в толпе восставших рабочих и передавшихся на их сторону солдат, присутствуя при их подвигах и поражениях. Ах, что бы я дал вчера, чтобы бродить под руку с какой-нибудь зрячей спутницей! Мои глаза ведь теперь очень плохи. Попадал, конечно, не раз под обстрел из винтовок и пулемётов, оставаясь стоять даже тогда, когда мои случайные товарищи временно разбежались, ибо быть сражённым пулею в такой торжественный день на склоне жизни я счёл бы за счастье»⁶⁷.

2 марта 1917 г. в печати появилось сообщение о том, что Николай II после отречения от престола выехал из Пскова в Ставку. Лопатин послал протест военному министру Гучкову и колию Петроградскому Совету рабочих и солдатских депутатов. Временное правительство, писал он, «всё время держало народ в полной неизвестности касательно ме-

⁶⁷ «Г. А. Лопатин», стр. 181.

стопробывания царской семьи, её свободного или несвободного состояния и др... А сегодня эти тревоги возросли ещё более вследствие сообщения об отъезде бывшего царя в ставку. К чему это допущено?»⁶⁸. Он протестовал также против передачи верховного главнокомандования великому князю Николаю Николаевичу.

Участие в февральской революции было последним взлётом героической революционной деятельности Лопатина. Ему трудно было ориентироваться в создавшихся условиях перерастания буржуазно-демократической революции в социалистическую. Он не понял гениального стратегического плана социалистической революции партии Ленина — Сталина.

Г. А. Лопатин дожил до Великой Октябрьской социалистической революции. Тяжело больной, он был уже тогда прикован к постели. В то время когда большевистская партия Ленина — Сталина была целиком поглощена завершением социалистической революции и закреплением её завоеваний, когда партия вела ожесточённую борьбу за выход из империалистической войны, за мир во всём мире, когда ей пришлось в условиях разрухи поднимать народ на отечественную войну против иностранных и внутренних сил контрреволюции, меньшевики и эсеры, разоблачённые и изолированные большевиками от масс, перешли окончательно на сторону контрреволюции. Они пытались привлечь на свою сторону и бывших узников царизма, уговаривали больного Лопатина выступить против социалистической революции и большевиков. Но Лопатин, хотя и был далёк от понимания происходившей исторической ломки, не выступил против неё, не дал врагам пролетарской революции — меньшевикам — эсерам — злоупотребить своим именем.

Лопатин умер 26 декабря 1918 г. в возрасте 72 лет. Молодая Советская власть воздала почести ветерану русского революционного движения. Имя Германа Александровича Лопатина, выдающегося русского революционера, патриота, не может быть забыто народами Советской страны. Связанный многолетней дружбой с Марксом и Энгельсом, он внёс свою лепту в борьбу с самодержавием.

⁶⁸ Там же, стр. 182.